

Токвилль Алексис Шарль Анри

Старый порядок и революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А48

А48 **Алексис Шарль Анри Т.**
Старый порядок и революция / Токвилль Алексис Шарль Анри – М.: Книга по Требованию,
2023. – 353 с.

ISBN 978-5-519-76961-7

ISBN 978-5-519-76961-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

потому что при разрѣшеніи ихъ почти невозможно наблюдать спокойно и рассуждать безпристрастно. По нѣмецкой пословицѣ—никому не дано перепрыгнуть черезъ свою тѣнь, и въ книгѣ Токвиля мы найдемъ не одинъ разъ слѣды его политическихъ взглядовъ. По происхожденію и воспитанію онъ былъ аристократъ, по характеру и убѣжденіямъ—либераль-индивидуалистъ, и онъ выбралъ темы для своихъ работъ — о демократіи въ Америкѣ и о происхожденіи французской революціи—потому что былъ глубоко заинтересованъ не только теоріей, но и практикой демократическаго движенія и политической свободы. Но хотя бы намъ и показалось иной разъ, что какъ аристократъ и либераль онъ не совсѣмъ вѣрно понималъ то или другое явленіе, хотя бы въ иныхъ случаяхъ его приговоръ показался слишкомъ строгимъ или объясненіе не вполне достаточнымъ, нельзя не признать, что въ общемъ Токвиль сумѣлъ выдержать отвѣтственную роль ученаго, т. е. судьи. Онъ былъ слишкомъ крупный человѣкъ, чтобы гоняться за мелкими партійными прибылями, и слишкомъ идеалистъ, чтобы на минуту усомниться въ силѣ и пользѣ истины. И насколько можно говорить объ объективности въ историческихъ изслѣдованіяхъ, настолько Токвиль былъ объективенъ—не по холодности ума, а по чувству долга.

Трудно въ такой книгѣ отмѣтить наиболѣе существенные выводы: внимательный читатель найдетъ, что каждая страница вызываетъ на размышленія. Но, можетъ быть, не лишнее напомнить самые общіе вопросы — какъ бы отвлеченныя категоріи,—о которыхъ идетъ рѣчь.

Между „Демократіей въ Америкѣ“ и „Старымъ порядкомъ“, между работой молодости и работой зрѣлаго возраста существуетъ самая тѣсная связь. Въ первомъ сочиненіи авторъ разсматривалъ демократическое движеніе при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ и пришелъ къ двумъ главнымъ выводамъ: политическая свобода—вноситъ необходимую примѣсь идеализма въ демократическую жизнь, которая иначе легко можетъ унизиться до грубаго и мелочнаго себялюбія; лучшей опорой политической свободы въ демократіяхъ служить децентрализація и мѣстное самоуправленіе.

Въ исторіи Франціи Токвиль изучалъ обратную сторону медали. Революція, написавшая на своемъ знамени — „свобода и равенство“, скоро отказалась отъ перваго девиза, а второй присвоила себѣ Наполеоновская имперія, т. е. демократическая диктатура. Объясненіе нашлось не въ ошибкахъ революціонеровъ и не въ случайныхъ обстоятельствахъ конца прошлаго вѣка, а въ томъ воспитаніи, которое получилъ французскій народъ при Старомъ Порядкѣ. Самыя характерныя условія современной французской жизни были медленно и прочно выработаны ранѣе 1789 года, и „переворотъ“ не измѣнилъ ихъ, а перенесъ въ новую обстановку. Несмотря на множество привилегій и сословныхъ раздѣленій, французское общество XVIII вѣка было уже по существу уравнено, и оставалось только устранить внѣшнія разгородки, чтобы раскрыть это равенство. Если и раздавались жалобы на королевскую власть, зато народъ вполне усвоилъ взглядъ, что о всѣхъ общихъ дѣлахъ должно заботиться централизованное

правительство, и вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ будетъ правительственная власть, оказался вопросомъ второстепеннымъ. Революція ломала историческую дѣйствительность въ угоду отвлеченнымъ теоріямъ, но могущество отвлеченныхъ теорій сложилось задолго до революціи, въ ту эпоху, когда общество отвыкало отъ всякаго участія въ политической дѣятельности.

Павелъ Виноградовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Предлагаемая книга—не исторія Революціи. Эта исторія была написана слишкомъ блестящимъ образомъ, чтобы ее передѣлывать; моя книга—только этюдъ объ этой революціи.

Въ 1789 году Французы совершили величайшее изъ всѣхъ, когда-либо сдѣланныхъ народами, усилій для того, чтобы отрѣзать себя отъ своего прошедшаго и отдѣлить бездной то, чѣмъ они были, отъ того, чѣмъ они желали быть впредь. Съ этой цѣлью они приняли всевозможныя предосторожности, чтобы не перенести чего-нибудь изъ прошлаго въ свое новое положеніе; они всячески насилывали себя, чтобы сдѣлать себя непохожими на своихъ отцовъ; словомъ, они сдѣлали все, чтобы стать неузнаваемыми.

Я всегда былъ того мнѣнія, что они гораздо менѣе успѣли въ этомъ своеобразномъ предпріятіи, чѣмъ могло казаться со стороны, и чѣмъ сами они думали первоначально. Я былъ убѣжденъ, что, сами того не зная, они удержали изъ стараго порядка болѣшую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, съ помощью которыхъ они вели революцію, разрушившую этотъ порядокъ, и что, сами того не желая, они воспользовались его обломками для постройки зданія новаго общества; такъ что, для того, чтобы хорошо понять и революцію, и ея твореніе, мнѣ было необходимо на мгновеніе забыть Францію, какою мы ее видимъ теперь, и вызвать изъ могилы другую Францію, — ту, которой уже нѣтъ. Это я и попытался сдѣлать въ предлагаемой книгѣ; но оказалось, что моя задача труднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Первые вѣка монархій, средніе вѣка, возрожденіе были предметомъ громаднхъ трудовъ и очень глубокихъ изслѣ-

дованій, познакомившихъ насъ не только съ фактами, совершившимися тогда, но и съ законами, обычаями, духомъ правительства и націи въ эти различныя эпохи. Никто до сихъ поръ не далъ себѣ труда разсмотрѣть подобнымъ же образомъ и такъ же близко восемнадцатый вѣкъ. Мы воображаемъ, будто намъ очень хорошо знакомо французское общество того времени, потому что ясно видимъ то, что блистало на его поверхности, потому что подробно знаемъ исторію наиболѣе знаменитыхъ личностей, жившихъ тогда, и потому что интересныя и краснорѣчивыя критическія работы довершили наше знакомство съ твореніями великихъ писателей, украшавшихъ то время. Но что касается способа, какимъ велись дѣла, дѣйствительной практики учрежденій, дѣйствительнаго взаимнаго положенія классовъ, что касается положенія и чувствъ тѣхъ классовъ, которыхъ въ то время еще не было ни видно, ни слышно, что касается самой сущности мнѣній и нравовъ, — обо всемъ этомъ мы имѣемъ лишь смутныя и часто ошибочныя представленія.

Я задался мыслью проникнуть въ сердце этого стараго порядка, столь близкаго къ намъ по числу лѣтъ, но заслоняемаго Революціей.

Съ этой цѣлью я не только перечиталъ знаменитыя сочиненія XVIII вѣка; мнѣ хотѣлось изучить тѣ многочисленныя книги, которыя менѣе извѣстны и менѣе заслуживаютъ извѣстности, но, будучи неискусно составлены, тѣмъ явственнѣе, можетъ быть, обнаруживаютъ дѣйствительныя инстинкты времени. Я постарался какъ можно лучше ознакомиться со всѣми оффиціальными документами, въ которыхъ Французы могли, при приближеніи Революціи, высказать свои мнѣнія и вкусы. Протоколы Штатовъ и, впоследствии, провинціальныхъ собраній многое выяснили мнѣ въ этомъ отношеніи. Особенно много я извлекъ изъ наказовъ, составленныхъ тремя сословіями въ 1789 г. Эти указы, оригиналы которыхъ образуютъ длинный рядъ рукописныхъ томовъ, навсегда останутся завѣщаніемъ стараго французскаго общества, послѣднимъ выраженіемъ его желаній, подлиннымъ заявленіемъ его послѣдней роли. Этотъ документъ — единственныя въ исторіи. Но я не удовольствовался имъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ государственная администрація пріобрѣла могущество, появляется мало такихъ пдѣй, желаній и страданій, встрѣчается мало интересовъ и страстей, которые раньше или позже не обнажились бы предъ нею. Посѣщая архивы этой администраціи, мы не только пріобрѣтемъ очень точное знакомство съ ея дѣйствіями,—передъ нами откроется вся жизнь страны. Иностранецъ, которому бы выдали сегодня всѣ конфиденціальныя корреспонденціи, наполняющіи картонны министерства внутреннихъ дѣлъ и префектуръ, скоро зналъ бы о насъ больше, чѣмъ знасмъ мы сами. Въ XVIII вѣкѣ государственная администрація была уже, какъ увидитъ читатель этой книги, очень централизована, очень могущественна, необычайно дѣятельна. Она безпрестанно помогала, препятствовала, позволяла. Она многое могла обѣщать и многое дать. Она уже вліяла тысячами способовъ не только на общій ходъ дѣлъ, но и на судьбу семействъ и на частную жизнь каждаго отдѣльнаго лица. Вдобавокъ, она была чужда гласности, вслѣдствіе чего люди не боялись открывать ея глазамъ самыя тайныя свои затрудненія и бѣды. Я употребилъ очень много времени на изученіе того, что намъ осталось отъ нея частью въ Парижѣ, частью въ различныхъ провинціяхъ *).

При этомъ, какъ я и ожидалъ, Старый Порядокъ предсталъ предо мною, какъ живой, со всѣми своими идеями, страстями, предразсудками и обычаями. Здѣсь каждый высказывался, не стѣсняясь и открывая свои завѣтнѣйшія мысли. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ о старомъ обществѣ много свѣдѣній, которыхъ не было у современниковъ, потому что у меня передъ глазами было то, что пикогда не открывалось ихъ взорамъ.

*) Преимущественно я пользовался архивами нѣкоторыхъ большихъ интенданствъ, особенно—Турскимъ, который очень полонъ и относится къ очень обширному округу, расположенному въ центрѣ Франціи и населенному миллиономъ жителей. — Здѣсь я считаю долгомъ выразить признательность молодому и свѣдущему архивариусу, завѣдующему этими архивами, г. Гранмезону.—Другіе округа, и между прочимъ округъ Иль-де-Франса, показали мнѣ, что подобнымъ-же образомъ дѣло происходило въ большей части королевства.

Подвигаясь впередъ въ этомъ изслѣдованіи, я удивлялся, встрѣчая на каждомъ шагѣ во Франціи того времени огромное количество чертъ, поражающихъ насъ въ современной Франціи. Я находилъ множество понятій, которыя раньше считалъ порожденіемъ Революціи, множество идей, исходившихъ, какъ мнѣ казалось, отъ нея одной, тысячу привычекъ, которыя, по общему мнѣнію, дала намъ только она; и повсюду находилъ корни современнаго общества глубоко выросшими въ эту старую почву. Чѣмъ больше я приближался къ 1789 году, тѣмъ явственнѣе различалъ тотъ духъ, подъ дѣйствіемъ котораго революція образовалась, родилась и росла. Мало по-малу передъ моими глазами открылась вся фізіономія этой революціи. Она уже заявляла свой темпераментъ, свой геній; это была она сама. Я находилъ не только основные мотивы того, что ей предстояло сдѣлать при свсемъ первомъ усилии, но еще болѣе, — указанія на то, что ей суждено было создать надолго; потому что Революція имѣла два фазиса, весьма отличныхъ другъ отъ друга: первый, въ теченіе котораго Французы, казалось, хотѣли все уничтожить въ своемъ прошломъ, и второй, когда они изъ прошлаго снова берутъ часть того, что покинули. Есть большое количество законовъ и привычекъ стараго порядка, которые такимъ образомъ внезапно исчезаютъ въ 1789 г. и снова показываются нѣсколько лѣтъ спустя, какъ нѣкоторыя рѣки скрываются подъ землею, чтобы вновь появиться немного далѣе и показать тѣ-же воды новымъ берегамъ.

Непосредственная задача сочиненія, которое я предлагаю вниманію публики, состоитъ въ томъ, чтобы объяснить, почему эта великая революція, подготовлявшаяся одновременно почти на всемъ материкѣ Европы, вспыхнула у насъ раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; почему она какъ будто сама собой вышла изъ общества, которое ей предстояло разрушить, и, наконецъ, — какъ могла старая монархія пасть такъ окончательно и такъ внезапно.

Но этимъ я не думаю ограничить предпринятый мною трудъ. Я намѣренъ, если достанетъ времени и силъ, чрезъ всѣ превратности этой длинной революціи прослѣдить тѣхъ самыхъ Французовъ, съ которыми мы на такой короткой

ногѣ жили при Старомъ Порядкѣ, и которыхъ этотъ Старый Порядокъ вскормилъ, прослѣдить, какъ они видоизмѣняются и преобразуются сообразно событіямъ, но однакоже остаются вѣрными своей природѣ и постоянно вновь появляются предъ нами съ нѣсколько отличной, но всегда узнаваемой фізіономіею.

Сначала я мысленно пробѣгу вмѣстѣ съ ними первоначальную эпоху 89 года, ту эпоху, когда равенство и свобода одинаково дороги ихъ сердцу; когда они хотятъ создать не только демократическія, но и свободныя учрежденія; не только разрушить привилегіи, но признать и санкціонировать права; время молодости, энтузіазма, гордости, великодушныхъ и искреннихъ сгратей,—время, память о которыхъ, несмотря на всѣ его ошибки, люди сохраняютъ навсегда, и которое еще очень долго будетъ тревожить сонъ всѣхъ тѣхъ, кто захочетъ подкупить или поработить ихъ.

Быстро проходя по слѣдамъ этой революціи, я постараюсь показать, какими событіями, какими ошибками и разочарованіями тѣ-же Французы были приведены къ тому, что покинули свою первоначальную цѣль и, забывъ о свободѣ, пожелали сдѣлаться только равными рабами властителя міра; какимъ образомъ, затѣмъ, правительство, болѣе сильное и гораздо болѣе абсолютное, чѣмъ то, которое было низвергнуто Револуціей, захватываетъ и сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ виды власти, подавляетъ всѣ вольности, купленные такой дорогой цѣною, и ставитъ на ихъ мѣсто пустые призраки, называя верховенствомъ народа голосованіи избирателей, не имѣющихъ возможности ни сноситься, ни вступать между собою въ соглашенія, ни выбирать, называя свободнымъ вотированіемъ налога — изъявленіе согласія со стороны безмолвныхъ или поработченныхъ собраній; и какъ это правительство, лишая націю всѣхъ средствъ самоуправленія, отнимая у нея основныя гарантіи права, свободу мысли, слова и печати, т. е. все, что было самага драгоцѣннаго и благороднаго въ побѣдахъ 89 г., всё-таки украшаетъ себя великимъ именемъ этой эры.

Я доведу свое изслѣдованіе до того момента, когда революція, по моему мнѣнію, приблизительно заканчивается

свое дѣло и даетъ начало новому обществу. Тогда я приступлю къ разсмотрѣнію этого общества; я постараюсь различить, въ чемъ оно похоже на предшествующее и въ чемъ отлично отъ него, что мы потеряли въ этой громадной всеобщей смутѣ и что выиграли въ ней, и наконецъ, попытаюсь предсказать наше будущее.

Часть этого второго труда набросана вчернѣ, но еще не достойна быть представленной публикѣ. Суждено-ли мнѣ ее окончить? Кто можетъ это сказать? Судьба отдѣльных лицъ еще гораздо темнѣе судьбы народовъ.

Я надѣюсь, что настоящая книга написана безъ предразсудковъ, но не буду утверждать, что она написана безстрастно. И едва-ли позволительно французу ничего не чувствовать, когда онъ говоритъ о своей странѣ и думаетъ о своемъ времени. Итакъ, я сознаюсь, что, изучая наше старое общество во всѣхъ его частяхъ, я никогда вполнѣ не терялъ изъ виду современнаго общества. Я желалъ уяснить себѣ не только недугъ, отъ котораго погибъ больной, но и тѣ условія, при которыхъ онъ могъ избѣгнуть смерти. Я поступалъ подобно тѣмъ медикамъ, которые въ каждомъ погибшемъ органѣ стараются уловить законы жизни. Моею цѣлью было нарисовать такую картину, которая была-бы строго точна и въ то-же время могла бы сдѣлаться поучительною. И вотъ, каждый разъ, когда я встрѣчалъ у нашихъ отцовъ какую-нибудь изъ тѣхъ чертъ доблести, которыя намъ всего необходимо, и которыхъ у насъ теперь почти вовсе нѣтъ, — напримѣръ, истинный духъ независимости, любовь ко всему великому, вѣру въ себя и въ дѣло, — я ихъ подчеркивалъ; и точно также, встрѣчая въ идеяхъ, въ законахъ, въ правахъ того времени слѣды тѣхъ пороковъ, которые, погубивъ старое общество, развѣдаютъ насъ и теперь, я старался ярче освѣтить ихъ, для того, чтобы, видя ясно зло, уже причиненное намъ, мы лучше могли понять тотъ вредъ, который они все еще могутъ намъ принести.

Я сознаюсь, что меня не останавливала боязнь оскорбить то или другое лицо или классъ общества, тѣ или другія мнѣнія или воспоминанія, какъ бы они ни были почтенны, если это оказывалось необходимымъ для выполненія моей задачи.

Я дѣлалъ это часто съ сожалѣніемъ, но всегда—безъ угрызѣній совѣсти. Пусть тѣ, кому я такимъ образомъ могъ быть непріятель, извинять меня въ виду той безкорыстной и честной цѣли, къ которой я стремлюсь.

Многіе, можетъ быть, обвинять меня, въ томъ, что я въ этой книгѣ выказываю совершенно несвоевременную любовь къ свободѣ, до которой, какъ меня увѣряютъ, никому теперь нѣтъ дѣла во Франціи.

Я только попрошу тѣхъ, кто предъявить мнѣ этотъ упрекъ, принять во вниманіе, что такая склонность существуетъ у меня очень давно. Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, говоря о другомъ обществѣ, я писалъ почти дословно то же, чтѣ читатель найдетъ въ этой книгѣ.

Въ сумракѣ будущаго можно уже открыть три очень ясныя истины. Первая изъ нихъ—та, что всѣ современные люди увлечены какою-то невѣдомою силой, которую можно надѣяться урегулировать и замедлить, но не побѣдить, и которая то медленно толкаетъ, то съ силой мчитъ ихъ къ уничтоженію аристократіи; вторая—та, что изъ всѣхъ обществъ въ мірѣ всего труднѣе будетъ надолго избѣгнуть абсолютнаго правительства тѣмъ, въ которыхъ аристократіи уже нѣтъ и не будетъ; наконецъ, третья истина состоитъ въ томъ, что нигдѣ деспотизмъ не ведетъ къ болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ въ такихъ именно обществахъ; потому что въ нихъ онъ больше, чѣмъ всякій другой родъ правительства, способствуетъ развитію всѣхъ пороковъ, которымъ эти общества спеціально подвержены, и такимъ образомъ толкаетъ ихъ въ ту самую сторону, куда, слѣдуя природному влеченію, они уже склонялись.

Въ нихъ люди, уже не связанные другъ съ другомъ ни кастой, ни сословіемъ, ни корпораціей, ни родомъ, слишкомъ склонны заботиться только о своихъ частныхъ интересахъ и, всегда занятые только собою, погрязаютъ въ узкомъ индивидуализмѣ, который заглушаетъ всякую общественную добродѣтель. Деспотизмъ не только не противодѣйствуетъ этой склонности, но дѣлаетъ ее непобѣдимою, потому что онъ отнимаетъ у гражданъ всякую общую имъ страсть, всякую необходимость другъ въ другѣ, всякую необходимость взаимнаго